

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Ю.А. Товкайло*Волгоградский государственный университет**г. Волгоград, Россия*

ulia_rua@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ СМЕХА И ИХ КОМПОНЕНТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ)****[Yulia A. Tovkaylo Cognitive scenarios of laughter and their components
(based on phraseological units)]**

The article analyzes Russian and English phraseological combinations of laughter, representing the situation of laughter as a whole, in accordance with the cognitive scenarios of laughter, and expressing a value judgment in relation to one of its components. Phraseological units of the Russian and English languages are described by using semantic analysis techniques. Interpretation of the research results is based on the theoretical postulates of cognitive research, in particular on the works of A. Vezhbitskaya, devoted to the study of emotions and cognitive scenarios. The study allows us to conclude that the relevance of cognitive scripts of laughter for Russian and English language consciousness and the presence of naive epistemology in the framework of the Russian and English language worldview. The features of modeling laughter in the process of human cognitive activity are analyzed, universal methods for verbalizing laughter and its attributes are described.

Key words: cognitive linguistics, cognitive scenarios, phraseology, emotions, laughter.

Внутренний мир, чувства и эмоции человека являются объектом изучения самых разных областей научного знания, обосновывая необходимость возникновения новых направлений, к которым относится и когнитивная лингвистика, ставшая симбиозом психологии, лексической семантики и когнитологии.

Для такого термина как «эмоция», в классической науке имеется широкое и узкое понимание. В узком смысле – это набор примитивных психических состояний, которые связаны с естественными (органическими) потребностями в их удовлетворении. В широком же смысле, «эмоции» – это переживание значимых жизненных *ситуаций* (радость, удивление, страх). В противопоставление этому, в некоторых работах для именованя так называемых при-

митивных потребностей используется термин «чувство». Эмоции противопоставляются чувствам по признаку «непосредственное переживание». В представлении данного подхода эмоция – это реакция на ситуацию, а чувство – субъективное проявление, укоренившееся в психике человека. Помимо указанного, как отмечает А.А. Камалова, у эмоций, в отличие от чувств, присутствуют яркие внешние выражения [9].

Признаки эмоций, особенности эмоционального поведения и психических состояний можно определить, выстроив отношения различного типа или смоделировать в виде сценария ситуации. Заложенные сценарии эмоций реконструируются также и в художественном тексте. В качестве примера можно назвать описание гнева аффекта в виде сценарной структуры в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Эмоции и эмоциональное поведение проявляются в коммуникации (как вербальной, так и невербальной) и определяются различными психологическими, социокультурными и даже национально-культурными факторами, отраженным в языке, что делает актуальным исследование эмоций с позиции взаимодействия культур [12].

В русском и английском языках эмоции передаются по-разному, для русского языка характерна глагольная модель, для английского языка более характерна модель с использованием прилагательных и псевдопричастий, т.е. в русском языке заложена активная роль субъекта эмоций, в то время как в английском языке эмоциональные состояния носят пассивный характер [26].

Эмоции с лингвистической позиции активно исследовались А. Вежбицкой и ее последователями, ее семантическая теория ознаменовала новый этап развития когнитивной лингвистики и рассматривалась многими исследователями как альтернатива релятивистскому и прагматическому подходу к изучению языковых единиц. Не только идея «семантических примитивов» - базовых элементарных смыслов, но и «когнитивных сценариев», культурных скриптов, в которые они складываются, получила широкое распространение. В когнитивной лингвистике принято выделять эмоциональные концепты (сформировавшиеся из языковых определений эмоций) [7], эмоции как фреймовые структуры (термин «фреймы эмоций» встречается в работах исследователей, например у Белой Е.Н. [2], но не получил широкого распространения) и сценарии эмоций (Л.Н. Иорданская, А. Вежбицкая, З. Кевечес [25], Я.А. Покровская, [15] Н. А. Красавский [10]), при

этом в некоторых классификациях, в частности у М. Минского, сценарии – это динамически представленные фреймы, противопоставленные статичным [13], изучение эмоций и эмоциональных состояний, в свою очередь, невозможно без учета динамики. Отметим ключевые признаки сценария эмоций как прототипического сценария – 1) представление события, изменяющегося во времени; 2) стереотипность (не только самой ситуации, но и поведения в рамках ее протекания).

Метод «когнитивных сценариев», предложенный А. Вежбицкой [19], позволяет проследить эмоциональную динамику, протекающую в той или иной эмоциональной ситуации, в том числе сопровождаемой характерной физической реакцией (смех, слезы). Реконструкция «когнитивного сценария» ситуации представляет собой ее моделирование с позиции мотивации индивида, когда у него возникает желание обратиться к той или иной когнитивно обусловленной последовательности действий при помощи базовых компонентов, универсальных для любого языка, не привязанных к той или иной лингвокультуре, к которым относятся, например, субъект, объект, предикат, эмоциональный компонент и др. Представление в виде сценария как способ исследования эмоций используется также в трудах Ю.Д. Апресяна [1] и Н.Н. Болдырева [3].

Актуальность исследования состоит в том, что оно выполнено в русле одного из приоритетных направлений современной лингвистики в рамках антропоцентрического подхода – когнитивной лингвокультурологии. Научная новизна представляется тем, что на сегодняшний день существуют работы, посвященные реконструкции когнитивных сценариев в русском и английском языках, т.к. этот метод представляет особую ценность, потому что позволяет взглянуть на ситуацию с позиции мотивации индивида, его обращения к тем или иным базовым компонентам, закрепленным в языке и имеющим универсальный характер. Однако эмоциональные ситуации смеха и их лингвистическое выражение с позиции компонентов сценария и их реконструкции ранее не были изучены.

Теоретическая значимость проводимого исследования обусловлена необходимостью детального изучения механизмов отражения во фразеологической системе языка особенностей культурного опыта познания мира лингвистическим сообществом. Фразеологизм выступает значимым элемен-

том культурной памяти, будучи формой сохранения в языковом сознании народа и средством актуализации в речи гетерогенной культурной информации, усвоенной в результате длительного процесса осмысления мира. Характеризуясь метафоричностью значения, образностью и экспрессивностью, фразеологизмы более ярко, чем слова, передают через наглядно-чувственный образ оценку описываемого явления. Практическая значимость обусловлена возможностью использования данных исследования когнитивистами, занимающими реконструкцией когнитивных сценариев, а также при создании словарей и в преподавании РКИ.

В рамках нашего исследования мы реконструируем когнитивный сценарий смеха, опираясь на корпусные данные русского и английского языков (НКРЯ [14] и BNC [4]). В данной статье речь пойдет о реализации некоторых компонентов когнитивного сценария смеха во фразеологических сочетаниях. В качестве материала мы используем ключевые единицы лексико-семантического поля смеха в обоих языках – единицы *смех* и *laugh (laughter)* и фразеологические сочетания с ними. Мы принимаем во внимание тот факт, что значительную часть единиц лексико-семантического поля смеха английского языка составляют фразовые глаголы, в том числе с лексемой *laugh*, однако в пределах этой статьи они не будут объектами нашего внимания.

Идеографический русско-английский словарь Лидии Иорданской и Славы Паперно относит смех к физическим проявлениям эмоций, к этой же категории авторами была отнесена улыбка. Авторы словаря отмечают, что «английскому слову *laughter* в русском языке соответствует не одно, а два существительных (*смех* и *хохот*), а английскому глаголу *laugh* в русском языке соответствует не один, а два глагола: *смеяться* и *хохотать*» [24]. Нельзя не упомянуть также высказывание А. Вежбицкой в заметках к этому словарю о том, что «хохот, толкуемый в данном словаре как «*laughter, good laughter*», представляет собою уникальную единицу, обозначающую именно смех, подлинный смех, *хохотать* – значит самозабвенно, не сдерживаясь, смеяться в свое удовольствие» [5], эта единица вербализует характерное для русских культур поощрение искреннего выражения чувств и эмоций. А.Д. Шмелев пишет, что слова *смех* и *смеяться* встречаются в преобладающем большинстве языков, в то время как хохот отсутствует [23]. *Хохот* как национально-культурное явление, характерное для русской самобытности, свиде-

тельствует о преобладании в национальном русском характере тенденции к крайним проявлениям эмоций: «если уж *смех*, так не просто *смех*, а именно *хохот*». Тем не менее, в английском языке существует выражение *laugh like little Audrey*, которое на русский язык переводится как «смеяться от души».

Вслед за Н.К. Рябцевой и другими ведущими исследователями мы рассматриваем фразеологию в качестве культурно значимого и имеющего национально-культурную специфику фрагмента языковой действительности, в ней находит отражение склад ума, менталитет, а также стиль мышления носителей [22, с. 508]. Базируясь на представлениях исследователей, упомянутых выше, мы постараемся дать более полную картину, чтобы не сводить анализ к упрощенному восприятию национально-культурных особенностей. Опираясь на содержательные особенности анализируемых единиц, раскроем глубинные смыслы, получившие закрепление во фразеологических сочетаниях русского и английского языка.

Отметим, что лексико-семантическое поле смеха в русском языке составляют единицы, группируемые вокруг центральной лексемы «смех», многие из которых являются однокоренными по отношению к ней. Единица «хохот» как часть представленного поля с позиции лексической сочетаемости и употребления во фразеологических конструкциях может быть охарактеризована как «выборочно-положительная». Во многих фразеологических сочетаниях единицы *смех/хохот* понимаются носителями как абсолютные синонимы, т.к. основная градационная дифференциация значения в таких сочетаниях происходит в других их частях, например: *кататься от смеха/хохота, хвататься за бока от смеха / хохота, на глазах слезы выступили от смеха / хохота* и др.

При этом важно, что *хохот* и *хохотать* являются общеупотребительными русскими словами, обозначающими «здоровый смех», который не вызывает у говорящего неодобрения [5]. Этим «*хохотать*» отличается от *гоготать*, а также от таких слов, как, например, английское *guffaw* ‘гоготать, ржать’, которое иногда приводится в русско-английских словарях в качестве эквивалента слова *хохот*, но которое, в отличие от русских слов *хохот* и *хохотать*, включает оценочный компонент, указывающий на неодобрение такой «крайности», как несдержанный громкий смех» [18].

Синонимичные лексемы и выражения в пределах лексико-семантического поля смеха в обоих языках градуируются по степени интенсивности проявления эмоций / громкости и продолжительности смеха. Эти признаки в семантике гиперболизируются – происходит метафорическое преувеличение самого смеха как процесса или его результата, что происходит по схожим метафорическим моделям в обоих языках, т.е. выражения можно признать эквивалентными по значению: *кататься со смеху / roll on the floor laughing/ roar with laughter, fall about the place laughing; надрывать живот (животики) от смеха / split one's sides laughing; помирать от смеха (со смеху) / die laughing; лопаться от смеха* и др. К эквивалентному также можно отнести заимствованное из греческого фразеологическое сочетание *гомерический смех / homeric laughter*, которое трактуется в русском языке как «громкий и неудержимый хохот» с указанием объекта смеха - что-то глупое и несуразное, однако для русского языка более распространенным является употребление выражения *гомерический хохот*, что является своего рода тавтологией.

К неэквивалентным, национально специфичным фразеологическим сочетаниям следует отнести следующие: для русского языка это *давиться со смеху, заливаться смехом* (метафорическое значение жидкости), *смех взял/разобрал, смешинку поймать* (смех как субъект действия, берущий контроль над человеком), для британского английского - *riot of laughs* 'буйство смеха', *laugh like a drain* 'смеяться как водосток' (метафорическое сравнение со звуком воды в водосточных трубах), *a barrel of laughs, to have the last laugh, a laugh a minute*, для американского английского - *to laugh out loud* и 'can't/could n't stop laughing', они хоть и относятся к общеупотребительным в обоих вариантах, но в американском английском более распространены, что может свидетельствовать о более открытом характере проявления эмоций американцами.

Далее проанализируем сходство и различие элементов семантической структуры фразеологизмов смеха. В английском языке закреплено представление о том, что сильный, продолжительный смех изматывает человека, доводит его до состояния отклонения от физической нормы: *laugh oneself silly, laugh oneself into convulsions, laugh one's head off*, в обеих культурах смех может привести к потере равновесия: *to laugh oneself into fits / смеяться до упаду*.

Смех как физическая реакция предполагает непроизвольные сокращения тела, в том числе живота, поэтому эта часть тела активно участвует в образовании устойчивых выражений: *живот болит от смеха*, уже упомянутое *надрывать живот от смеха*, *утробный смех / belly laugh*, смеяться до колик / *to laugh oneself into stitches*, *смехом бока надсадить*, *описаться от смеха (со смеху) / wet oneself from laughter*; от смеха у субъекта появляются слезы на глазах: *смеяться до слез / laugh until one cries*. Громкий смех в обеих культурах встречается в виде обозначений через зооморфные метафоры: *horse laugh / ржать как конь (лошадь)*. Сдержанный смех предполагает наличие во фразеологической конструкции «препятствия»: *смеяться в бороду (усы, кулак) / laugh in the beard*. Для перевода русского глагола *рассмешить* в английском языке используются как простые, так и сложные конструкции: *make laugh, set (off) laughing, move to laughter, have smb laughing in the aisles*. Все эти фразеологические сочетания с вербальным главным компонентом строятся по одинаковому когнитивному сценарию (cognitive scenario 1 - CS1): субъект (S) испытывает сильные *положительные эмоции* (E), демонстрируя это активным эмоциональным действием, выражаемым предикатом (P), мгновенно или постепенно ведущим к эмоциональной разрядке, облегчению (R). В упрощенной форме представим это следующим образом: $CS1 = S + E \rightarrow P \rightarrow R$.

Смех активно участвует в коммуникативном процессе, демонстрируется и интерпретируется. Несмотря на то что смех носит характер социальный и предполагает в процессе общения с другими людьми такие фрагменты коммуникации как использование и демонстрация, его можно воспринимать как грозное оружие, которое может нанести моральный вред и ущерб репутации [8,11].

Коммуникативное поведение многих представителей обеих культур корректируется, базируясь на страхе публичного осмеяния, что получило отражение во фразеологических сочетаниях *поднять на смех / raise the laugh against smb*, *выставлять на посмеище / make a laughing stock of smb*. Смех служит в коммуникации маркером не только одобрительного, но и негативного, а порой и агрессивного отношения: *смеяться за спиной / laugh in one's sleeve*, *смеяться в лицо / laugh in smb's face*. Отмеченные особенности коммуникативного поведения в ситуации смеха в английском языке представлены шире, для представителей английской лингвокультуры важным оказывается средство, цель и результат смеха: *laugh smb out of court (countenance)*, *laugh*

smb off the stage, raise the laugh against smb, что в русском языке соответствует глаголам осмеяния (*осмеять, засмеять, высмеять*). Для этих фразеологических конструкций реконструируем когнитивный сценарий, схожий с когнитивным сценарием насмешки (CSM), исследуемым нами ранее, который будет выглядеть следующим образом: субъект (S), испытывая негативное отношение (O), воздействует на объект (Ob) = совершает нападение (высмеивает (предикат)– P), используя оружие (насмешку (mockery) – M), в результате которого объект (Ob) вынужден защищаться или сразу терпит поражение [20]. Цель, преследуемая субъектом в данных фразеологических сочетаниях, – вред объекту осмеяния (A). Таким образом, опираясь на уже существующие данные анализа, представим когнитивный сценарий фразеологических сочетаний осмеяния: $CSM = S + P_{\text{реч/переч}} + Ob + A + E_s \text{ и } E_{ob}$.

Ранее, в работе, посвященной разновидностям смеха [17], мы охарактеризовали шесть основных его видов. Когнитивный сценарий CS1 актуален для смеха детского, смеха над комическим, CSM – для смеха унижающего (насмешливого). Насмешливый смех предполагает сравнение, осуществляемое субъектом смеха по отношению к объекту и предполагает чувство превосходства у субъекта и, как пишет В.Я. Пропп, удовлетворения и удовольствия, которое сразу проходит, стоит нам самим стать объектом смеха [16]. Именно этот тип смеха принято относить к коллективному, имеющему объединяющее начало, по этому принципу он противопоставлен циничному смеху. Смех всегда связан с обнаруженным субъектом противоречием, разновидности смеха выделяются не только по характеру смеха (например, смех, связанный с психическими отклонениями), но и по отношению к обнаруженным противоречиям.

Смех патологический, как признак психологических отклонений, можно встретить в английском словосочетании *laughing academy* – ‘психбольница’, смех как результат алкогольного опьянения закрепился в обозначении спиртного – *laughing water (soup)*. Метафорические смыслы здесь представлены как когнитивная операция и передаются традиционной моделью «X – это Y», предложенной А.П. Чудиновым [21].

Широкий пласт фразеологических сочетаний смеха в обоих языках представляют оценочные суждения, в частности о компонентах когнитивного сценария смеха: субъекте и объекте смеха, уместности в той или иной коммуникатив-

ной ситуации, что говорит о важности, а главное – закреплённости и универсальности продуцируемых ими смыслов: *и смех, и слезы / not know whether to laugh or cry, смеха паду / for kicks and laughs, не до смеха / no laughing matter*.

Смех во фразеологических сочетаниях представлен двумя разновидностями: произвольный и непроизвольный. Причиной его выступают, с одной стороны, положительные эмоции и юмор, с другой стороны, отрицательные эмоции и психологическое перенапряжение. Все фразеологические сочетания смеха обоих языков репрезентируют ситуацию смеха целиком, протекающую по определённому сценарию, или раскрывают один из её компонентов, при этом, мы считаем, существует возможность выделить единый когнитивный сценарий смеха, реконструируемый на основе анализа фразеологических сочетаний смеха. В отличие от русской лингвокультуры, для которой более характерен сценарий смеха над комическим (6711 (61,5%) на 10880 вхождений по данным НКРЯ), в английской существенно преобладает и по частотности, и по диапазону представленных единиц насмешливый смех (1246 (35%) на 3560 вхождений по данным BNC). Представим из чего должен складываться единый, универсальный сценарий. Он должен отражать не только семантику всех этих сочетаний, объединённых семантическим элементом «смех», но и восходить к единицам и группам единиц более высокого порядка, возможно, даже быть типовым для них. Лучшим решением, как мы считаем, будет выстроить типовой когнитивный сценарий, рассматривая смех как одно из эмоциональных состояний. Таким образом, у эмоционального состояния смеха будет сценарная структура, содержащая в себе элементы возникновения, развития и протекания. Субъект (S) по какой-либо причине (R) пребывает в эмоциональном состоянии смеха (E), которая проявляется (P) определённым образом: $SL = S + R \rightarrow P$. Такой сценарий может быть использован для реконструкции других эмоциональных состояний человека, при этом он имеет наибольшее сходство с самым распространённым из существующих типов смеха – смехом над комическим.

Из вышесказанного следует необходимость говорить об универсальности когнитивных процессов при построении ситуации смеха, а также о дифференциации компонентов когнитивного сценария смеха в соответствии с национально-культурными особенностями. Фразеологическими сочетаниями смеха передаются различные его виды, они отражают сложные смыслы внутреннего мира человека, добавляя уникальности каждому из исследуемых языков.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. *Белая Е.Н.* Образ-фрейм страха в языковой картине мира французов: соотношение общезыкового и индивидуально-авторского в содержании и средствах выражения эмоций (на материале словарей и новелл Ги де Мопассана) // Вестник Омского университета, 2003. №2.
3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2001.
4. Британский национальный корпус: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
5. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М., 1999.
6. *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001.
7. *Винарская Е. Н.* К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2001. № 2.
8. *Габриелян А.А.* Корпусный анализ эмоционального концепта «smile/laugh» в британском и американском вариантах английского языка // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2.
9. *Камалова А.А.* Чувства, эмоции, ощущения? о репрезентативности психических состояний в русском языке // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. №4.
10. *Красавский Н. А.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2001.
11. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984.
12. *Милованова М.В., Куличенко Ю.Н.* Когнитивный сценарий как способ описания мимического выражения эмоционального состояния // Вестник ВолГУ: Серия 2: Языкознание. Научно-теоретический журнал. Вып. 1(15). Волгоград, 2012.
13. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. Пер. с англ. М., 1979.
14. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>

15. *Покровская Я. А.* Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных художественных текстов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998.
16. *Пропи В.Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1997.
17. *Рейдаленко Ю.А.* Социолингвистические и психолингвистические характеристики смеха (на материале русской литературы XIX-XX вв.) // Научно-практические исследования. Волгоград.: ВолГУ, 2018.
18. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М., 2005.
19. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / *Анна Вежбицкая*; Пер. с англ. А. Д. Шмелева. Москва, 2001.
20. *Товкайло Ю.А.* Когнитивный сценарий насмешки в русской и английской лингвокультурах // Сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета.
21. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
22. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.
23. *Шмелев А.Д.* Широта русской души // Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. (отв. ред.). Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.
24. *Iordanskaja, L., Paperno, S.* A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. English equivalents by L. LaRocco, J. MacKenzie, ed. by R.L. Leed, Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1996.
25. *Kövesces Z.* Emotion Concepts. N. Y., 1990.
26. *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

R E F E R E N C E S

1. *Apresyan Yu. D.* Selected works. In 2 vols. Vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography. М., 1995.

2. *Belaya E.N.* The image-frame of fear in the linguistic picture of the world of the French: the correlation of the general linguistic and individual author's content and means of expressing emotions (based on Gui de Maupassant's dictionaries and short stories) // Bulletin of the Omsk University, 2003. No. 2.
3. *Boldyrev N. N.* Cognitive semantics. Tambov, 2001.
4. British National Corps: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
5. *Wierzbicka A.* Semantic universals and description of languages / Trans. from English A. D. Shmelev, ed. T.V. Bulygin. M., 1999.
6. *Wierzbicka A.* The juxtaposition of cultures through vocabulary and pragmatics / Trans. from English HELL. Shmeleva. M., 2001.
7. *Vinarskaya E.N.* On the problem of basic emotional concepts // Bulletin of the Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication". 2001. No. 2.
8. *Gabrielyan A.A.* Corpus analysis of the emotional concept "smile / laugh" in British and American English // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2015. No2.
9. *Kamalova A.A.* Feelings, emotions, sensations? On the representativeness of mental states in the Russian language // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2017. No4.
10. *Krasavsky N.A.* Dynamics of emotional concepts in German and Russian linguistic cultures: thesis abstract. Volgograd, 2001.
11. *Likhachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V.* Laughter in Ancient Russia. L., 1984.
12. *Milovanova M.V., Kulichenko Yu.N.* Cognitive script as a way to describe the mimic expression of an emotional state // Bulletin of VolSU: Series 2: Linguistics. Scientific and theoretical journal. Vol. 1 (15). Volgograd, 2012.
13. *Minsky M.* Frames for the representation of knowledge. Trans. from English M., 1979.
14. The national corps of the Russian language. Access Mode: <http://ruscorpora.ru>
15. *Pokrovskaya Ya. A.* Reflection in the language of aggressive states of a person (based on English and Russian-language literary texts: abstract of the thesis. Volgograd, 1998.

16. *Propp V. Ya.* The problems of comic and laughter. M., 1997.
17. *Reidalenko Yu. A.* Sociolinguistic and psycholinguistic characteristics of laughter (based on Russian literature of the 19th-20th centuries) // Scientific and practical studies. Volgograd.: VolSU, 2018.
18. *Ryabtseva N. K.* Language and natural intelligence / RAS. Institute of Linguistics. M.: Academia, 2005.
19. Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics / *Wierzbicka A.* Trans. from English A. D. Shmelev. Moscow, 2001.
20. *Tovkaylo Yu. A.* Cognitive script of ridicule in Russian and English linguo-culture tours // Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Methodological Conference. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University.
21. *Chudinov A. P.* Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000). Ekaterinburg, 2001.
22. *Shmelev A. D.* Russian language model of the world: Materials for the dictionary. M., 2002.
23. Shmelev A. D. Latitude of the Russian soul // Arutyunova N. D., Levontina I. B. (ed.). Logical analysis of language: languages of spaces. M., 2000.
24. *Iordanskaja L., Paperno S.* A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body. English equivalents by L. LaRocco, J. MacKenzie, ed. by R. L. Leed, Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1996.
25. *Kövesces Z.* Emotion Concepts. N. Y., 1990.
26. *Wierzbicka A.* Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

04 мая 2020 г.